

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ И БЕСЕД О М.В. ЛОМОНОСОВЕ

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Н.А. Некрасов

Литературно-художественные произведения о Ломоносове, представленные в данном разделе, могут быть использованы для работы с детьми на уроках чтения, внеклассного чтения, истории, что может составить содержание регионального компонента начальной школы, а также при проведении внеклассных мероприятий, на которых учащиеся знакомятся с жизнью и деятельностью великого помора. В разделе представлены произведения, которые охватывают практически весь жизненный путь Ломоносова.

Рассказы О. Тихомирова, Г. Черненко раскрывают отдельные эпизоды из жизни нашего замечательного соотечественника. Они повествуют о том, как рос и каким был Ломоносов в детстве, как пошел учиться в Москву, какие научные открытия сделал, и о многом другом. При этом все тексты написаны интересным и доступным для школьников языком, и чтение некоторых из них детям возможно уже с первого класса (например, рассказ О. Тихомирова «держи́сь, Михайло!»), а в более старших классах и самими детьми. При работе с текстами учитель должен учитывать особенности класса, поэтому мы не исключаем возможность использовать ряд произведений (например, Б. Шергина «Слово о Ломоносове», Е. Перехвальской «Михайло Васильевич Ломоносов», В. Кошелевой «Врата моей учёности» и др.) только при подготовке учителем беседы с детьми о Ломоносове или при выборочном чтении текстов в 3—4 классах на обобщающих уроках) внеклассных занятиях, поскольку каждый из них содержит большой материал об основных этапах жизнедеятельности нашего прославленного соотечественника. Методика работы с текстами представлена в разделе пятом. Слова, которые могут оказаться незнакомыми школьникам, даны в толковом словари́ке на с. 176.

Сын рыбака
Айтиф Зейнылы

Баюкало Белое море тебя,
Как сына, в бессонной
своей колыбели.
И ветры ночные слетались,
трубя,
А утром — вдали облака
голубели.
Дремали твои Холмогоры
в тиши,
Синели леса — без конца
и без края...
И солнцу ты радовался
от души,
На берег весной босиком
Выбегая,
И мог ли тогда ты мечтать
наяву,
внимая проснувшимся,
краскам и звукам,
Что годы пройдут
и уйдешь ты в Москву
Упорно учиться премудрым наукам?!
Что дни пролетят,
и отправишься в путь
Ты — сын рыбака,
внук и правнук помора,
Вселенной постигнешь глубинную суть,
Раздвинешь пределы
земного простора?!
Но это — потом,
Шла путина к концу.
Ты вместе с другими вставал
на рассвете,
И лодку смолить помогал
ты отцу,
И рыбу ловить,
и развешивать сети.
Бить зверя морского...
А после, тайком,
Заучивать целые главы
псалтыря.
Как юн ты,
В худом армячишке своем!
Как много еще непонятого

в мире!
Но копится сила в глазах
и руках,
Но в спорах уже ты напорист
и стоек.
Родную Россию прославит
в веках
Механик и химик,
поэт и историк.
Ты над минералом
в предутренний час
Склонишься, парик свой
напудренный сбросив...
Учёнейший муж
в Гейдельберге
Не раз
Поднимет восторженно
Перст:
Ломоносов!
О, да — ты известен
в Европе!
И всё ж:
Медвежьим углом
называют Россию.
И трудно порой среди
сановных вельмож
Тебе — правдолюбцу,
крестьянскому сыну.
Ты тайны природы
постигнешь, тая
Мечту, что продолжат
искания внуки,
И веря, что станет Россия
твоя —
Пусть через столетия!
Храмом науки.

Слово о Ломоносове

По Б. Шергину

Ум веселится, вспоминал Ломоносова. Радуется мысль, соглядая его жизнь и дела. Любо говорить о Ломоносове, и если я скажу звягливо и рогато, ты Расскажи чиновно, с церемонией.

Кого любишь, о том думаешь, за тем и ходишь глазами ума... Вижу Михайлушку Ломоносова юнгой-зуйком на отцовском судне... Двинская губа только что распланилась ото льда. Промысловые лодыи идут в море. Многопарусная «Чайка» Ломоносовых обгоняет всех. Михайло стоит на корме и дразнит лодейщиков, протягивает им конец корабельного каната — нате, мол, на буксир возьму. Лодейщики ругаются, а Михайло шапкой машет: «До свиданья, дожидаться недосуг»

Пока жива была маменька-потаковщица, со слезами покидал родной дом. С годами «маменькин запазушник» втянулся в морскую жизнь. Его уму, острому, живому, пытливному, всё вокруг казалось чудным и дивным. Сколько спит; столько молчит.

- Татка, у солнца свет самородный?

— На солнце раза царская и корона. То и светит.

— А звёзды? Маменька сказывала: лампы ангельские...

— Ну да! Звезда бы на Холмогоры пали, весь бы город покрыла!

— А молния?

— Это бог тянет лук крепко и стреляет метко. Где увидишь дерево или камень, грозой обожжённые, там в песках стрелку ищи.

- А край земли близко ли? А почто немцы говорят несходно с нами?

— Ужо в грамоту тебя отдам учиться. Там толкуй, что откуль. Порато ты у меня любопытен!

Ну и сын у тебя, Василий Дорофеевич! — дивился сельский дьячок - Сколько учится, друга — столько меня учит. Неладно-де называть «собака», надо — «солбака». Бог-де человека создал, и не понравилось, что лоб велик... Лишек от лба отнял и в том собаку сделал. Потому собака и умна, что со лба... филолог!

— Ну и парень — вторили монахи архиерейского подворья. — Принесли владыке книгу древнеписьменную для справок. Он поглядел и очки бросил: «Витиевато и узорно, а нечётко...» А Миша зачитал, будто с парусом по ветру побежал. И кряду вопрошает: «Владыко, куда солнце заходит?» Ну, тот пояснил, что в окиян-де, умыться, чтобы лучи просветить.

Годы шли. Михайло перечитал все церковные книги, что были под рукой. Много выучил наизусть. В особенности очаровала его Псалтырь в стихах Симеона Полоцкого.

Михайло терял сон и еду, пока не получал на руки какой-нибудь полюбившейся книги. Вот он узнаёт, что за рекой, в доме Дудиных, есть две книги по новой мудрости. «Как свеча я теплился перед старым идолом Дудиным, — рассказывает сам Ломоносов. — Помер, а не дал. В воду я совался ради этих книг перед наследниками Дудиными и наконец получил в вечное владение. «Арифметика» Магницкого и «Грамматика» Смотрицкого, печати 1645 года, то были врата учености моей... У мужиков разговор:

«Почём хлеб да почём рыба»; у баб: «Кто где женился, богату ли взял». А книга моя беседует мне: «Разумей читать книги природы, живую грамоту. Подивися, как из малого семени вырастает великий дуб. Поразмысли чудкое устройство тела твоего: глаз, орган тончайший хрупкого стекла, безопасно прибран в чашку костяную. И ресницами от пыли загорожен; и бровями от поту со лба защищён».

Новые мысли, новые вопросы рождались в молодом уме. Бывая с отцом в Архангельске, где жило много иностранцев, Михайло начал пытаться у многограмотных людей, нет ли таких, где бы протолковано было о дубах и семенах, о звёздах и о теле человека. Городские грамотеи отвечали, что о звёздах и о небе трактует наука астрология, а человеческим телом ведаёт антропология купно с медициною. Сия последняя знает и о растениях. Потому что «всяк злак на пользу человека», кроме табаку... Науки эти всё заморские, изложены латинским языком.

— Латинскому языку где учат?

— В Москве, в Славяно-греко-латинской академии. Принимают детей дворянского и духовного звания. Тебе крестьянскому сыну, латыни не нюхать...

— Ну... Сей день не без завтра...

- Михайлушко любил природу и очень радовался, что цветы, и травы, и деревья — это не только сено и дрова, но и наука этим занимается.

Недалеко от Холмогор, в деревне Ванчуге, крестьяне исстари занимались постройкою морских судов. Здесь Михайло узнал, что и корабли бегучие строятся, и мельницы стоячие ходят, и материна самопрялка кружится не так просто, а по законам науки — механики и физики. Юноша пристрастился делать модели кораблей и мельниц, придумал хитрые замки к амбару и житнице, смастерил стенные часы с боем. Это увлечение сменилось страстью к стихотворству по правилам грамматики Смотрицкого и по образцам старинного поэта Полоцкого.

Михайле исполнилось девятнадцать лет. Управляя морские промыслы, осенью тысяча семьсот тридцатого года он упал отцу в ноги:

— Государь мой татенька, Василий Дорофеевич, пусти в Москву учиться!

У отца сердце озябло и ноги задрожали:

— Люди меня давно ума доводили и мне говорили: сын взгляду отцова должен бояться, от взгляда с ног падать, а у вас-де с сыном дружба-приятство... Добра-де не жди. Так и вышло: думал с сыном век вековать, а приходит: век горевать.

— Татенька! Ужели ты произволяешь детищу своему лучше быти враг, нежели друг?

— Как это враг? А для кого я потом кровавым дом и всё богатство наживал? для тебя! Кому оставляю: тебе!... Миша! Погляди-ко, руки-те отцовы... как крюки!.. Сколько я на веку работы унёс!.. Ужели отцовы труды людям под ноги бросишь?..

— Татенька, Василий Дорофеевич! Я с божьей помощью вознамерился шире да выше свой жизненный полёт упредить - Татенька, государь, благослови в Москву учиться...

Ну, сын... Воля твоя... Люди-те, люди-те что скажут: «У Василия Дорофеевича сын по миру пошёл, скитаться...»

— Татенька, не плачь!.. Воля твоя...

— Нет, сын! Ты с отца волю снял!..

Той же зимы Михайло ушёл из дома. Мимо шёл на Москву рыбный обоз. Миша и ушёл с обозом. Снёс на себе шубу, да кафтан, да три рубля денег

...Буря-непогодушка унесла его с родной сторонущи.

Принятый в Спасские школы, как называли в Москве академию, Михайло ног под собой не чуял от радости. Ежели по доме какая слеза катилась, та назад воротилась. Низшие классы он прошёл в один год. Через год умел уже сочинять латинские вирши — стихи. Латынь была тогда преддверием всех наук. Сочинения писались по латыни. Михайло быстро одолевал класс за классом. Был первым в богословии и в философии, в красноречии и в поэзии. Но в Москве не оказалось тех наук, ради которых он сюда прибежал. Ни физика, ни механика, ни астрономия, ни иные науки, объясняющие природу и её явления, в школе не преподавались.

Конечно, пытливый и живой ум везде находил себе пищу. Библиотекарь и ключ отдал ревностному любителю наук: Начитаешься, дак закрой! А я ужинать да спать!..»

Между тем житьё-бытьё в школе было скудное и суровое. Пища грубая, посты строгие: кроме хлеба, звено рыбы, чаша квасу... А дома у отца нищим пирогами подавали. Холмогорцы-обозники ежегодно привозили письма от отца. Отец звал домой неотступно: «Воротись, дитя! Я остарел... на кого брошу дом и промыслы, нажитые потом кровавым... Воротись, дитя! Лучшие люди отдадут за тебя своих дочерей...»

Сытой, богатой жизнью соблазнял отец, а сын, хотя и хлеба от обеда к ужину не оставалось, наук не бросил. Ещё пасмурно, неясно, неустроенно было всё вокруг, но в туманных далях житейского моря ярко и призывно светил свет науки. Туда, не оглядываясь, управлял Михайло корабль своей жизни.

Пребывание в московской и киевской школах было для будущего учёного и поэта драгоценно в тех отношениях, что он великолепно усвоил здесь языки и литературы греческую и римскую, изучил классическую философию и логику.

Петербургская академия наук и при ней университет с гимназией были основаны Петром Первым для распространения и умножения в России нового образования. Учёных для Академии Пётр набрал за границей, но набором учеников дело худо клеилось. Наконец в столичную школу были вытребованы лучшие студенты из Москвы. Ломоносова ректор аттестовал как «юношу чрезвычайного остроумия».

Уж несколько лет правительство отыскивало подходящих, знающих людей для научно-приисковой экспедиции в Сибирь. Не было химика, понимающего горное дело. Единственный знаток горного дела, профессор Генкель во Фрейберге, в Германии посоветовал: «Не волочите делом, искавши. А пошлите ко мне академического студента посмышлёнее. Я обучу горному делу и металлургии. То вам будет своё добро — дома».

Михайла Ломоносова из смыслёных не выкинешь. Он и поплыл за границу. Что там поплыл: на крыльях полетел! Это случилось в 1736 году.

Но для поступления к Генкелю требовалось совершенное знание математики, физики, механики. Поэтому академия предписала Ломоносову сначала послушать лекции знаменитого физика Вольфа в городе Марбурге. Вольфа за дельные советы отличал ещё Пётр Первый.

И вот Ломоносов, будто к источнику живой воды, припал наконец к тем наукам, к тому знанию, которого с детства взывал алчно и жадно.

«Студиозус из России есть горячего сложения. Ум живой и схватчивый...» — определяет новичка Вольф.

Обыкновенно бывает так: кто посвятил себя поэзии или живописи, тот равнодушен к математике, к физике. Но талант Ломоносова был всеобъемлющ. Вдохновенно любя стихи и поэзию, едва ли не с большим волнением слушал он лекции Генкеля о богатствах земных недр. Мысленному взору юноши представлялись сокровища Урала и Сибири раскрытыми, явленными...

Для России было счастьем, что столь деятельный, столь гениальный ум оказался направлен в сторону наук, наиболее нужных в то время стране и народу.

При Академии Ломоносов устроил физическую и химическую лаборатории. Не было приборов, не было посуды для опытов по химии, физике. Ломоносов исхлопотал и учредил стекольный завод, где работали стекло про всякую домашнюю потребу. При заводе была особая мастерская, где Михайло Васильевич сам выдувал колбы и шлифовал оптическое стекло.

С помощью изобретённых им приборов для наблюдений за звёздным небом Ломоносов установил, например, что планета Венера окружена слоем воздуха, имеет атмосферу.

При своём доме учёный устроил кабинет для электрических опытов. Исследованиям Ломоносова принадлежит одно из первых мест. Михайла Васильевича однажды чуть не убило грозovým разрядом.

Изготавливая цветное стекло на заводе, Ломоносов вспомнил виденные им на стенах древних киевских церквей прекрасные мозаичные иконы. Из мелкого гранёного стекла на мастике древние художники составляли целые картины. Мозаика может простоять тысячи лет... Ломоносов учреждает мозаичную мастерскую. Лучшая из мозаичных его работ — «Полтавская баталия», картина из цветного стекла на медном листе, во всю стену. Рисунок и колорит ломоносовских мозаик доказывают, что великий учёный был и художником с большим вкусом.

Живой творческий ум и учёная любознательность Ломоносова не имели границ. По монастырским книгохранилищам разыскивал он древнерусские летописи. По ним составили «Историю Российскую».

Горячность, страстность, вспыльчивость, готовность ежечасно умереть за свою правду, праведный гнев, движимый на всех, кто мешает и не радеет об умножении наук в России, — эти свойства Ломоносова и врагов ему создавали, и ярость их поддерживали.

Однако гений архангельского мужика сиял столь светло, что загородить этот свет уже было не под силу никому.

Одним из самых славных деяний Ломоносова было основание и устройство университета в Москве.

Ломоносов и план чертил, и кирпич сортовал, и за кладкой следил, создал образцовый университетский устав, излюбовал и избрал профессоров, экзаменовал студентов.

Для подготовки юношества устроил две гимназии.

Шувалов помогал здесь особенно ревностно и ходатайством, и покровительством, и безотказной денежной казной.

Всякий год в июне месяце у Ломоносовых бывали морские гости — земляки из Архангельска. Они привозили гостинцы: рыбу, житные колобки, ягоду-морошку. Однажды привезли и племянника. Сестра писала: «Научи, милый брателко, на дела на добрые, на речь на умильную, на походку постатную...»

Брат отвечал сестре: «Государыня моя Мария Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и детьми! Мишенька приехал в добром здоровье, и то мне на него добре радостно, что научен читать хорошо и пишет для ребёнка нарочито. Сделали ему кафтан василькового сукна, петербургского шитья. Волосы полюбил убирать по-нашему и пудрить и кланяется пышно по-французски. На Колмогорах его бы теперь и не узнали. Удивительно, что Мишенька и виду не показал, чтобы тосковать или плакать. Тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как век у нас жил. При Академии наук есть гимназия, состоящая под моей командою. Здесь Мишенька будет жить и учиться. По воскресным дням и праздникам будет у меня гостить с ночевкою. От меня приказано учить его латинскому языку, арифметике письму и танцам. Будь спокойна, сестрица, я стараюсь о нём, как добрый дядя и отец крёстный. Хозяйка моя всплакнула не раз, каково-де было с детищем расстаться. Так же и дочь моя нянчится с малым и жалеет его. Не сомневайся, сестра, что сын твой через науки счастлив будет».

Этот Мишенька Головин пошёл по стопам дяди. Был впоследствии математиком и физиком, членом Академии наук.

Михайло Васильевич не дожил до старости. Весной 1765 года он простудился и 4 апреля умер.

Перед смертью говорил другу своему Штелину:

— Я пожил, потерпел и умираю спокойно. Жалею только, что не мог завершить всё, что делал для родины, для блага науки в России, для славы Академии. Не тужу о смерти, дети Отечества вспомнят обо мне и пожалеют...

Удивительна была жизнь Ломоносова, прекрасно дело его жизни.

Михаил Васильевич Ломоносов

На одном из островов по Северной Двине, в Архангельской губернии, расположилась деревня Мишанинская.

В 1711 году в этой деревне, в семье рыбака, родился сын. Мальчик этот был Михаил Васильевич Ломоносов. Он впоследствии стал известным учёным и поэтом.

Хорошо жилось Михаилу Васильевичу, пока он был ребёнком и пока была жива его мать. Рос он сильным, бойким, здоровым мальчиком. Жизнь его была наполнена детскими забавами: то он носится по деревне с другими мальчишками, то в бабки играет, то рыбу ловит. Но и тогда он уже выделялся среди своих сверстников своей наблюдательностью. Играет он иной раз с ребятами и вдруг среди весёлой игры остановится как вкопанный. Не поймут ребята, что с Мишей. Кажется, ничего не случилось особенного. А Миша уставился на падающие звёздочки снега и глаз от них оторвать не может. Кто так чудно вырезал эти звёздочки? Отчего они падают из тучи? Отчего они, падая на руку, становятся водой? Как попала вода в тучу? Всё, мимо чего ни пройдёт мальчик, всё останавливает его внимание, всё занимает его. Буря, блеск молнии, звёзды, свет солнца, насекомые — всё вызывает в его детской головке бесчисленные вопросы, с которыми он обращается к отцу, к матери. Но родители его — люди тёмные: ничего объяснить ему не могут.

— Будешь учиться грамоте из книжек всё узнаешь, говаривала часто мать, лаская Мишу. И мальчик с нетерпением ждал того времени, когда можно будет всё узнать.

Вот, наконец, отдал отец Мишу учиться к крестьянину Ивану Шубному. Быстро научился мальчик читать, чем возбуждал зависть во многих своих сверстниках.

Весной пойдёшь со мной в море, — сказал отец Михаилу. На промысел уходили тогда почти все мальчики в десять-двенадцать лет. Находясь с отцом в море, Михаил Ломоносов ко всему присматривался.

Про отца Михаила Ломоносова говорили, что он в рыбной ловле удачлив. А был он удачлив потому, что хорошо знал жизнь моря.

На сей неделе треска близко к берегу не подойдёт, — говорил Василий Дорофеевич.

Отчего? — спрашивал Михаил. И отец объяснял ему, куда в такую погоду рыба должна направиться, чтобы найти хороший корм.

— Следи, куда чайка летит. Чайка — наш брат, рыбак, — говорил отец.

И он объяснял сыну, как, наблюдал за полётом морских птиц, можно проследить ход рыбы.

Мальчик был понятлив. Ему не нужно было повторять два раза одно и то же. Он запоминал сразу и навсегда.

Когда начинался лов, на судне было много работы. Мальчики помогали ставить и вытаскивать сети.

Михаил привыкал не поддаваться усталости. Особенно трудно бывало во время шторма в открытом море. Маленькое судно то взлетало вверх, то летело вниз... Волны перехлёстывали через борт, и мальчики

должны были непрерывно вычерпывать воду. Широко расставив ноги, чтобы не упасть, Михаил целые часы проводил в упорной работе.

— Море упрямо. Ежели его не переупрямишь — пропадёшь, говорил отец.

С каждым месяцем плавания в душе мальчика выросло упорство. Оно росло незаметно. Чем труднее было дело, за которое приходилось браться, тем настойчивее доводил он его до конца.

В четырнадцать лет Ломоносов стал высоким, сильным и смелым подростком.

Но вот Ломоносов узнаёт, что один крестьянин привёз какие-то новые книги. Тотчас же отправляется он к нему. Больших трудов стоило ему упросить крестьянина дать ему книги. Не чувствуя под собой ног от радости, прибежал он домой и спрятал книги на дно своего ящика. Он знал, что отец не одобряет его стремления к чтению. В особенности же мачеха (в то время он уже лишился матери, и отец был женат во второй раз) нападала на него за чтение и часто отнимала у него книги. Поэтому мальчику иногда приходилось ждать, пока все в доме заснут и тогда он мог приступить к своему любимому занятию.

Так и на этот раз дождался он ночи и стал читать новые книги и просидел над ними до рассвета.

Слышал Ломоносов от своего бывшего учителя, что в Москве есть школы, где всему учат и даже иностранным языкам. Мысль о Москве, где многому можно научиться, глубоко запала в душу Ломоносова, Шёл ли он с отцом на промысел, делал ли что-нибудь по хозяйству дома, — всё думалось ему о том, как бы пробраться в Москву, как бы попасть там в школу.

Но вот минуло Михаилу 16 лет, и мачеха стала говорить отцу, что пора Михаила женить, помощницу в дом брать. Отец завёл с сыном речь о женитьбе, но Михаил чуть не заплакал и высказал отцу свою сокровенную мысль, что ему учиться хочется и что не лежит его душа к крестьянской жизни. Тут напали на него и мачеха, и отец. Долго бранили его.

Михаил же Васильевич всё продолжал думать о Москве и решил переговорить с отцом.

Василий Дорофеевич не сразу его понял.

Какого ещё тебе ученья надобно? Лёгкой жизни захотел? спросил он сурово.

Отец долго говорил с сыном и долго думал. Он знал, что Михаил настойчив. Раз задумал уйти, его не своротишь. Если не пустишь, уйдёт сам. Тогда, пожалуй, назад не вернётся. «И пускать нельзя и не пускать нельзя», думал Василий Дорофеевич. Он решил не мешать сыну, но и не снабжать его деньгами для жизни в городе.

Михаил стал собираться в путь.

Нельзя было пускаться в путь, не имея ни копейки. Помог Шубной: дал три рубля. Долго жить на такие деньги в Москве было невозможно. Михаил выехал из Холмогор с рыбным обозом.

С обозом добрался он до Москвы. Радостно забилося сердце Ломоносова, и слёзы появились на глазах, когда открылась перед ним

Москва. Однако в Москве ему некуда было деться, и он провёл первую ночь в санях у рыбного ряда.

Рано утром в рыбный ряд случайно пришёл земляк Ломоносова. Он приютил у себя Михаила Васильевича и вскоре, при помощи одного знакомого, определил его в Заиконоспасское училище при монастыре.

Трудно приходилось Ломоносову в Москве.

Вот что писал он впоследствии о своей жизни в Москве другу:

«Имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом, жил я пять лет и наук не оставил. А школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришёл латыни учиться!»

Но за своими занятиями забывал Ломоносов и свою бедность, и насмешки товарищей, которых он вскоре обогнал, пройдя в один год курс трёх классов.

Ко времени окончания Ломоносовым училища в Заиконоспасский монастырь пришло из Петербурга требование о высылке из училища двенадцати лучших учеников во вновь образованную гимназию при Петербургской Академии наук.

Вызывались ученики для изучения физики и химии. Конечно, Ломоносов оказался в числе двенадцати и с радостными надеждами отправился в Петербург.

В Петербурге Ломоносов пробыл недолго. Вместе с двумя товарищами он был отправлен учиться за границу.

С обычным старанием принялся он за занятия. Профессор в своих письмах в Академию давал похвальные отзывы о талантах и занятиях будущего учёного.

8 июля 1741 года возвратился Ломоносов в Петербург. Радостно билось его сердце при виде родной земли. Он любил Россию.

Вернулся Ломоносов в Россию с богатым запасом знаний. Но самым любимым занятием Ломоносова были естественные науки, которым он посвящал всё своё свободное время.

Он написал исследования о происхождении электричества, о молнии, о зарнице, о северном сиянии, о происхождении гор, где искать руду металлов, о возможности угадывать погоду. Он также писал стихи, работал над грамматикой русского языка.

Ломоносов принимал живейшее участие в основании Московского университета, где первыми учителями являлись его ученики. Он не забывает и начальных училищ, сознавая необходимость образования и для всего русского народа. Много поработал Ломоносов на пользу русского народа, и память о нем останется вечной во всех концах нашей Родины.

Михайло Васильевич Ломоносов

Е.Перехвальская

Зимой 1730 года из родной деревни Куростровской волости Архангельской губернии ушел крестьянин, совсем ещё молодой парень, сын Василия Ломоносова. Его искали несколько дней, но не нашли. Сначала думали погиб, но потом выяснилось, что Михайло, так его звали, занял у соседа три рубля денег и тулуп. Тогда вспомнили, что накануне его исчезновения через деревню проходил обоз с мороженой рыбой, который направлялся в Москву. Дело было ясное - убежал. Теперь в подушном списке против его имени появилась приписка «в бегах». Это означало, что подать за непутевого Михайлу Ломоносова будет ежегодно выплачивать отец, а если отец умрет, то село «всем миром».

А чего было ему бежать? Михайло был единственным сыном зажиточного крестьянина: у Василия Ломоносова была пахотная земля, был рыбный промысел — он первым во всей округе освоил и по-европейски оснастил галиот и прозвал его «Чайка» (об этом рассказывает академическая биография Ломоносова XVIII века). Всё накопленное отцом перешло бы к сыну, Михайле подыскивали уже богатую невесту. А он убежал. Ушёл от реальной возможности стать первым на селе человеком, крепким домохозяином. Почему же так случилось?

Ответ на это простой и одновременно сложный. Михайло Васильевич Ломоносов хотел учиться. А ведь он был помором, родился на севере. Русский Север был в те времена поистине удивительным краем. Здесь, на берегах Белого моря и Северной Двины, жили сильные, предприимчивые люди, привыкшие к тяжелому труду, и одновременно свободные и независимые. Они не знали крепостного права, считались подданными государства. Сурова была их жизнь, короткое лето сменяла долгая холодная зима. Но многие из этих людей добирались до Архангельска и Москвы, плавали к берегам Норвегии, на Шпицберген, часто встречались между ними грамотные люди. Суровая природа, высокая культура и активная хозяйственная жизнь — вот что отличало родину Ломоносова. И своё удивительное упорство, редкостное трудолюбие, а с другой стороны гордость и независимость, — все эти качества характера Михайло Васильевич вынес с берегов Северной Двины.

Но и среди поморов Михайло, сын Василия Ломоносова, отличался какой-то уж совсем безудержной страстью к учению. А ведь грамоте он начал учиться довольно поздно, только лет в двенадцать. К этому времени он уже освоил рыбный промысел, ходил с отцом на «Чайке» в Белое море. Но дивное устройство окружающей природы волновало его. Отчего бывает северное сияние? Почему сверкает молния? Что скрывается в недрах земли? Чтобы узнать всё это, надо было учиться. И вот Михайло читает по складам в доме местного дьяка, жаль только, что все книги у того церковные:

Часослов да Псалтырь. Однажды сосед Ломоносовых Христофор Дудин привез своим троим сыновьям книги: «Граматику» и «Арифметику». Это было настоящее событие в жизни юного Ломоносова. Сначала соседи, несмотря на слёзные просьбы Михайлы, разрешали только посмотреть книги,

потом дали домой на время, и наконец отдали вовсе. И мальчик не просто прочел их, а буквально вытвердил наизусть.

Ломоносову шёл девятнадцатый год, когда он понял, что если он действительно хочет учиться дальше, то надо уходить из отчего дома. Куда? В Москву или в Петербург. «Словенская школа» была и в Холмогорах, но здесь Ломоносова все знали, и поэтому не могли принять, он ведь был крестьянский сын, а принимали туда только детей дворян и духовенства. И случай представился — рыбный обоз шёл в Москву.

Всячески скрывая своё намерение, поутру смотрел он как будто из одного любопытства на выезд каравана... в третий день настиг его в 70-ти верстах. Так Ломоносов попал в Москву.

Лучшее по тем временам учебное заведение называлось Славяно-греко-латинская академия. Но в какой же класс можно было зачислить девятнадцатилетнего юношу, который назвался сыном холмогорского дворянина и знал наизусть «Грамматику» и «Арифметику»? Оказалось, что только в первый, потому что именно в первом классе начинали изучение латыни. Можно себе представить, как это выглядело, ведь в начальном классе учились дети 10—12 лет. «Школьники, малые ребята, кричат, перстами указывают: смотрите, какой болван в 20 лет пришёл латыни учиться», — вспоминал Ломоносов. Только смеялись ребята недолго, потому что очень скоро этот великовозрастный ученик перешёл в следующий класс, потом ещё в следующий и, наконец, закончил весь курс Академии, рассчитанный на 12 лет, всего за пять!

А в каких условиях приходилось ему учиться! Ломоносову, как и другим ученикам, назначили «жалование» — 10 рублей в год, это выходило 3 копейки в день. Только другим ученикам помогали родственники, а сбежавшему из дому Михайле было стыдно обращаться к отцу, так и жил он — на копейку хлеба, на копейку кваса, остальное на чернила, бумагу, обувь и всё прочее. И когда Михайло Васильевич заканчивал Академию, никто уже не смеялся, потому что его в числе нескольких «в науках достойных учеников» послали продолжать учение в Петербург.

В Петербурге Ломоносов пробыл недолго, но его способности были сразу замечены, потому что скоро его с двумя другими студентами послали учиться в Германию.

И вот позади долгие годы учения. Теперь — за работу.

Разумеется, Пётр 1 всячески стремился развивать науку в стране, но в учреждённой им Академии наук работали исключительно иностранцы. Все лучшие специалисты того времени были приезжими. И это имело много последствий. Вот, например, лекции, занятия со студентами: всё это велось на иностранных языках: по-латыни, по-немецки, по-французски. Обучение на русском языке первым ввёл Ломоносов.

Некоторые научные термины он заимствовал из иностранных языков, придан им русское звучание, другие составил сам. Вот далеко не полный список научных терминов, о которых точно известно, что их впервые употребил Ломоносов:

кислота	преломление (лучей)	горизонтальный
квасцы	равновесие (тел)	квадрат
градусник	удельный (вес)	диаметр
горизонт	предложный падеж	синус

Трудно представить себе, какова была русская наука до Ломоносова, если отсутствовали такие важные слова.

И в то же время, как это ни странно, этот человек не только не пользовался поддержкой окружающих, даже наоборот — вся его жизнь проходила в борьбе за право работать. Даже в Петербурге, уже после возвращения из-за границы, когда он стал сотрудником Академии наук, путь Ломоносова вовсе не был усыпан розами, против него ополчилась группа профессоров-иностранцев во главе с немцем Шумахером, руководившим тогда Академией. Они не могли простить гордости, независимости и, прежде всего, гениальности «крестьянскому сыну». Но что они могли сделать? Не выплатить или задержать жалование, послать жалобу ко двору? Однажды Ломоносова даже целых 8 месяцев держали под домашним арестом. И что же? Этот период оказался едва ли не самым плодотворным в жизни учёного. Вынужденный сидеть дома, он написал столько, сколько его недруги не могли бы сочинить за всю свою жизнь!

Труды Михайлы Васильевича были широко известны не только у нас, но и по всей Европе: он публиковал их на латыни, международном языке науки того времени. Его работы читали Вольтер и Дидро, а Шведская и Болонская академии избрали его своим членом.

Ломоносов осознавал свою историческую миссию. России, выходящей на мировую арену, нужна была своя наука, и должен был найтись человек, который мог бы заложить её основы, И он действительно пришёл — пришёл пешком в Москву с рыбным обозом.

Своими великими открытиями Ломоносов обогатил почти все области знания. Многие его идеи опередили науку того времени на сто лет и более: Ломоносов впервые разграничил понятия «корпускула» (в современных терминах — молекула) и «элемент» (атом), что нашло признание только к середине XIX века; в противоположность господствовавшим тогда представлениям о теплоте, Ломоносов показал, что тепловые явления обусловлены механическим движением частиц; в труде «Опыт теории упругости воздуха» он объяснил упругость газов движением их частиц; в 1748 году Ломоносов высказал общий закон сохранения вещества и движения, В 1756 году он провёл свои знаменитые опыты по обжиганию металлов в закрытом сосуде, которые дали неоспоримые доказательства сохранения вещества при химических реакциях и роли воздуха при горении; в 1748 году он основал первую в России химическую лабораторию, в которой проводились не только научные работы, но и практические занятия студентов; здесь Ломоносов прочитал свой знаменитый курс «Введение в истинную физическую химию», явившись основоположником этой науки; Ломоносов дал правильное объяснение таким явлениям, как молния, независимо от Франклина предложил молниеотвод; он также научно объяснил явление полярного сияния — проделал известный

опыт, в котором действовал электричеством на разреженный воздух, заключенный в стеклянный шар, получилось свечение, напоминавшее полярное сияние; «...и не однажды занимался он наблюдением звезд», наблюдая в сконструированную им «ночезрительную» трубу планету Венера, Ломоносов установил, что эта планета «окружена знатной воздушной атмосферой, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного»; в труде «О слоях земных» он определил геологию как науку о развитии Земли и указал, что земные слои образовались в результате сложных процессов, происходящих в природе. Он правильно объяснил происхождение многих полезных ископаемых: таких, как каменный уголь, торф, горючие сланцы; Ломоносов интересовался вопросами исследования полярных областей и Северного морского пути. Он был убежден в возможности освоения северных морей, об этом писал, например в работе «Письмо о Северном ходу в Остындию Сибирским Окияном». Высказал мысль о существовании большого ледового дрейфа в Арктике; много сделано им и для развития русского искусства. Им и его учениками созданы замечательные мозаичные портреты и картина «Полтавская баталия» (12 футов в ширину и 8 в высоту). Для своих мозаик Ломоносов сам изготовлял смальты и составил особый цемент, он возродил мозаичное искусство в России; по инициативе Ломоносова в 1755 году был основан Московский университет, по его же настоянию обучаться в университете было разрешено не только дворянам, но и детям людей простого звания.

«Врата моей учёности»

По В. Кошелевой

Жизнь Ломоносова — вечный пример беззаветного служения Родине. Человек энциклопедических знаний, разносторонних интересов и способностей, Ломоносов прошёл нелёгкий и полный превратностей путь от любознательного крестьянского паренька с далекого Севера до корифея мировой научной мысли, Трудно даже перечислить все сферы деятельности этого человека. Это был ученый-естествоиспытатель, физик, химик, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки.

Стремительное созревание гения Ломоносова, его восхождение к вершинам науки и культуры может многим показаться почти чудом. Однако воспоминания самого Ломоносова, а также свидетельства его земляков говорят о том, что детские и отроческие годы одарили Михайло впечатлениями неизгладимо яркими и удивительно богатыми, повлияли на него сильно и благотворно.

Что же дало толчок к формированию гения, родившегося в семье крестьянина-помора на двинской земле? Почему он 19-летним юношей пешком пошёл учиться в Москву? На это ответил в зрелом возрасте сам Ломоносов.

Михайло Ломоносов родился 19 ноября 1711 года в деревне Мишининской, что раскинулась недалеко от Холмогор, на одном из островов в устье Северной Двины при впадении в Белое море. С древних времён этот край обживали выходцы из Великого Новгорода. Без пилы и без единого гвоздя, одной лишь сноровкой и словно волшебным в руках мастеров топором строили поморы и жилые дома, и ветряные мельницы, и изумительные храмы — высокие, многокупольные, неповторимые. Из дерева в старину сооружались здесь и промысловые суда, на которых предки Ломоносова занимались ловлей рыбы, охотой на тюленей и моржей. Бесстрашным и опытным мореходом, уверенно ходившим далеко в Ледовитый океан, был отец Михайлы — Васалий Дорофеевич Ломоносов.

Когда родился сын, счастливые родители окружили первенца вниманием и заботой. Первые годы своей жизни, особенно когда отец уходил в дальнее плавание, маленький Михайло находился на попечении матери. От неё он унаследовал тонкий художественный вкус, поэтическое восприятие мира, добросердечность и деятельную отзывчивость.

Чем старше становился сынишка, тем больше слышал он от матери сказок и былин, или «старин», как их здесь называли. На дальнем русском Севере, не знавшем монголо-татарского ига, народ сохранил былинный эпос во всём его первоизданном богатстве и своеобразии. Рассказывала матушка юному Михайле и о трёх славных русских богатырях, и о молодом новгородском удалце Василии Буслаеве, и о могучем и красивом крестьянине — пахаре Микуле Селяниновиче.

Родители Михайлы были хлебосольными хозяевами и охотно принимали у себя гостей. И ни один праздник не обходился без лирических песен, остроумных прибауток, пословиц и загадок. Истоки блистательного

красноречия Ломоносова, оратора и педагога, выразительности и лёгкости его поэзии, яркости и точности его научной и публицистической прозы лежат в раннем детстве. Тонко чувствуя «природное изобилие, красоту и силу» родного языка, Ломоносов проделал в течение своей жизни поистине титаническую работу по его совершенствованию и развитию. Он практически заложил основы современного литературного языка, написал знаменитые «Риторику» и «Российскую грамматику», по которым несколько поколений русских людей учились не только грамоте и культуре мышления, но и служению высоким нравственным и эстетическим идеалам. Свободно владея двенадцатью иностранными языками, Ломоносов имел все основания утверждать, что «русский язык имеет преимущества перед всеми европейскими языками», ибо вы найдете в нём «великолепие испанского, живость французского, красоту немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображении краткость греческого и латинского языка».

С малолетства обошёл Михайло каждый уголок Курострова, на котором раскинулась его родная деревня. Можно сказать, что уже в раннем детстве Ломоносов ощутил в себе признание исследователя, географа, геолога и историка одновременно. Он знал наперечёт всё множество пересекающих родной двинский остров речушек и озёр, протоков и ручейков, овражков и перелесков. Через много лет Ломоносов по памяти смог начертить точный план местности, где прошло его детство.

Удивительное начиналось для маленького мальчика сразу за порогом его дома. Нравилось юному Ломоносову собирать разные камешки сначала по берегам рек, а позже и на морском побережье, где ему попадали в руки желтые, как мед, кусочки янтаря. Живые впечатления детства и отрочества повлияли впоследствии на многие научные открытия Ломоносова. Так, он впервые доказал органическое происхождение каменного угля и янтаря, высказал мысль об изменчивости коры земного шара: где сейчас равнина, некогда было дно морское».

Поморы приучали своих сыновей к морскому и промысловому делу с малолетства и нередко брали с собой в плавание с семи-восьми лет. Отроком отправился вместе с отцом и его артелью на промыслы и Михайло Ломоносов. Какое чувство гордости испытывал мальчик, стоя на палубе новенького отцовского корабля «Чайка» летевшего на всех парусах к морю!

Под руководством отца юный Ломоносов научился ориентироваться по ночному небу, пользоваться компасом и определять направление ветра. Он хорошо запомнил особенности побережья и морских течений, приливов и отливов. В просторах Арктики Михайло наблюдал плавание гигантских ледяных гор — айсбергов. Через много лет в своих научных трудах он объяснил происхождение полярных льдов, указал направление большого ледового айсберга и обосновал идею Северного морского пути,

Юный Михайло хорошо знал морские, речные и береговые промыслы, занятия и ремёсла и сберёг в своей памяти множество сведений, над которыми не переставал размышлять на протяжении всей жизни. В общении с природой поморы накопили огромный опыт. Они могли растолковать Михайле, как надо ставить парус и пользоваться компасом,

научить определять местоположение звёзд на небе и различать малейшие изменения погоды и ветра, рассказать о повадках рыб и морского зверя. Но ответить на вопросы любознательного мальчика о причинах этих явлений они не могли. Почему стрелка компаса всегда глядит на север? Отчего рыба с неизменным постоянством идет метать икру против течения рек? Откуда приливы и отливы, шторм и туманы?

Постигнув грамоту, деревенский мальчик стал усердно разыскивать книги, а их в ту пору было не густо. Прочитанное не могло удовлетворить тягу к знаниям. К счастью, у соседей оказались две замечательные книги, которые всецело завладели вниманием 14-летнего подростка. Одной из них была славянская грамматика Мелентия Смотрицкого, изданная в Москве еще в 1648 году. Написанная довольно невразумительным языком, она тем не менее содержала даже правила стихосложения. Другая книга была ещё замечательнее. Изданная в 1703 году, «Арифметика» для того времени являлась, скорее, энциклопедией математических знаний, чем простым учебником. Её автор Леонтий Магницкий по существу создал широкий общеобразовательный курс для техников, мореплавателей и учёных. При этом книга читалась легко, изобиловала стихами, в ненавязчивой форме развивала смекалку и математическое мышление.

Вот их-то — «Грамматику» Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого — Ломоносов и называл впоследствии вратами своей учёности. Так великий ученый на всю жизнь сохранил благородную память о первых книгах, открывших ему дорогу в большую науку.